

«НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО» ИЛИ ВСЕ-ТАКИ НОВАЯ ТЕОКРАТИЯ?
Полемические заметки в связи с очередной концепцией российской
государственности

З.А. Станкевич

Российская академия социальных наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

02 ноября 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 апреля 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

25 июня 2021 г.

В форме полемики по поводу концепции «нравственного государства», которая в последнее время приобрела определенную популярность в России в связи с усилением консервативно-традиционалистских начал во внутренней и внешней политике страны, рецензируется монография С.Н. Бабурина «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма».

Ключевые слова

Государство, Россия, русский,
конституция, свобода,
справедливость,
нравственность, православие,
теократия

A “MORAL STATE” OR A NEW THEOCRACY AFTER ALL?
Polemical notes in connection with the new concept of Russian statehood

Zigmund A. Stankevich

Russian Academy of Social Sciences, Moscow, Russia

Article info

Received –

2020 November 02

Accepted –

2021 April 15

Available online –

2021 June 25

The article contains a review of Sergey N. Baburin's monograph “The Moral State. The Russian view on the values of constitutionalism”. The review is presented in the form of a polemic about the concept of the so-called moral state, which has recently gained some popularity in Russia due to the strengthening of conservative-traditionalist principles in the country's domestic and foreign policy.

Keywords

State, Russia, Russian,
Constitution, freedom, justice,
morality, Orthodoxy, theocracy

Сколько существует государство как особый социальный институт, столько же, в той или иной форме, не прекращаются политические, идеологические и научные споры и дискуссии о его сути и предназначении, его устройстве, функциях и пределах воздействия на общество, о том, как сделать государство более дружелюбным не только отдельной нации, классу, социальной страте, последователям того или иного политического или религиозного те-

чения, но и обычному человеку, как правило, далекому от страстей и страстишек, царящих во властно-оппозиционной среде. Не является исключением, в этом плане, и «новая» Россия, в которой весь постсоветский период ее развития не прекращается интенсивное обсуждение разных концептуальных подходов к совершенствованию существующей государственности, в широком спектре от идеи построения здесь некоего аналога западной демократии до за-

мысла воссоздать державу как своеобразный «Третий Рим» XXI века¹.

Совсем недавно свою лепту в это обсуждение внес известный политик и учёный-правовед **Сергей Николаевич Бабурин**, подготовивший и вынесший на суд общественности (не только юридической!) внушительный (по «замаху», широте проблематики и скрупулезности подхода к освещаемой теме) труд *«Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма»*². Его новейшее исследование посвящено философии государства и представляет собой попытку *«сконструировать концепцию нравственного государства, через создание которого общество может преодолеть препятствия, возникающие на пути его благополучного развития в условиях упадка современных нравов»* (с. 4). Сам автор свой особый интерес к данной теме обосновывает тем, что *«в России, да и в любой другой стране мира, сегодня ощущается острый запрос на поиск новых доктринальных подходов к развитию общества, способных интегрировать политику и экономику, социальную и культурную сферу, геополитику и межнациональные отношения»* (с. 16).

Учитывая солидный объём монографии проф. Бабурина (5 разделов, 29 глав, 536 стр.) и скромный объём этих заметок, нет никакого смысла останавливаться на той части исследования, которую сам Сергей Николаевич обозначает как юридическую (добавим от себя – отчасти, также как политическую, идеологическую и мировоззренческую) «метафизику». Намного важнее, да и просто интереснее, как представляется, сосредоточиться на тех отдельных новых (точнее – осовремененных), иногда весьма своеобразных идеях, которые он выдвигает в обоснование своей концепции «нравственного государства», и на тех предложениях, которые он вносит для практической реализации своего замысла. К тому же, ограничившись исключительно Россией, поскольку для других государств, даже «цивилизационно близких», по glu-

бокому убеждению автора этих строк, проблемы «нравственности» сегодня не стоят в ряду безусловных национальных приоритетов.

Но, вначале несколько слов о самом понятии «нравственное государство», которое с лёгкой руки Сергея Николаевича «вбрасывается» для обсуждения, прежде всего, правоведов – конституционалистов, теоретиков и даже историков, а также политологов и философов³. Как представляется, главный дискуссионный вопрос здесь состоит в том, насколько вообще оправдано и обосновано соединять воедино «нравственность» – термин, относящийся, главным образом, к человеческой морали и этике, и «государство» – понятие, с которым, как правило, связывают политическую, т. е. сосредоточенную на согласовании и реализации разнообразных интересов, организацию общества на определенной территории, и абсолютно «неодухотворенное» функционирование публичной власти, выражающееся в управлении населением, его подчинении и даже принуждении?

Ведь, если предположить, что в реалиях современного мира возможно где-то построить «нравственное» государство – некое подобие «Города Солнца» Т. Кампанеллы, только для 21-го столетия и в рамках одной нации (цивилизации), то вполне допустимо наличие его противоположности – «безнравственного» государства. А почему бы и нет? Тем более, что именно к этой категории сегодня с чистой совестью можно отнести абсолютное большинство существующих в мире государств, включая те из них, что находятся в беспорном авангарде экономического развития и технологического прогресса. Но, это ведь полный абсурд, если, конечно, не исходить из того, что «безнравственное» – это, непременно, **светское**, а «нравственное» – это, обязательно, **религиозное**, либо базирующееся на идеологической основе псевдорелигиозного учения (например, «Третья всемирная теория» полковника М. Каддафи) государство.

¹ См., например: Орлов Б. Неизбежность евразийства – неизбежность тупика // Независимая газета. 2001. 12 мая; Хоскинг Дж. Правители и жертвы // Коммерсант. 2006. 1 июня; Сурков В. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43 (537). 20 ноября; Рогов К. Новая доктрина Путина // Новая газета. 2013. 27 февраля; Агеев А. Народ пока терпит // Завтра. 2015. № 28 (1129). Июль; Горевой Р. Идеальный загон. Отказ от пути в светлое будущее уводит нас в тёмное прошлое // Версия. 2016. № 49 (574). 19–25 декабря; Караганов С. Наступление в войне идей // Российская газета. 2020. 26 ноября.

² Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма: монография / предисл. И.М. Рагимова. М.: Норма, 2020. 536 с. Далее в круглых скобках указываются номера страниц этого издания, на которые даются ссылки.

³ Справедливости ради следует отметить, что понятие «нравственное государство» в XXI веке уже использовалось для обоснования необходимости совершенствования российской государственности и управления страной – в частности, проф. Сулакшиным С.С. в его докладе «На пороге нравственного государства» (<http://rossiyanavsegda.ru/read/862/>).

Итак, каким же видится С.Н. Бабурину вождь-ленное «нравственное государство»? В его представлении (как видно, сформировавшемся под сильным влиянием религиозных (православных) мыслителей и русского евразийства с его помыслами об «идеократическом» строе и «гарантийном» государстве), это, прежде всего, *«государство добродетелей, воплощенное в конституционно закрепленной духовно-нравственной самоорганизации общества»*, которое *«обеспечивает гармоничное и безопасное от угроз развитие общества при полных гарантиях добродетелей его членам и справедливости осуществления контролируемого народом управления делами государства и общества»* (с. 279). Форма правления, при этом, должна отвечать *«национальным культурно-историческим особенностям»* (с. 279), что невозможно прочесть иначе, как прозрачный намёк на монархию.

Тем более, что «высшей ценностной формой государства» Сергей Николаевич полагает *«империю как политико-правовую форму воплощения целой цивилизации»* (с. 234). А, поскольку империя для него и всех подобно мыслящих, в свою очередь, *«воплощает в себе религиозно-нравственный идеал государственного союза народов (для России это скрепленный православием цивилизационный союз славянских, финно-угорских, тюркских и кавказских племен)»* (с. 443), то вполне логично, что *«истинная империя может быть только теократией»* (с. 444). Попытка автора «смягчить» эту свою-же констатацию объяснением, что, мол, *«главное следствие теократического принципа для государственной жизни – социальное, экономическое и политическое равенство всех в государстве, которое лежит в основе всех государственно-общественных отношений»* (с. 445), увы, не убеждает.

Характеризуя «нравственное государство» с содержательной стороны как государство «гарантировано» способствующее *«сбережению и развитию добродетелей»*, проф. Бабурин аккуратно возводит его на четвертый – высший уровень сущности государства⁴, который предполагает *«не только рассмотрение человека как Венца Творения, но и наличие в истории Божьего Промысла»* (с. 266). Только признавая это, по мнению профессора, мы в состоянии подняться *«от рассмотрения государства как правового явления к государству нравственному»*

(с. 266). А если нет? А вдруг задача *«проведя людей через испытания, привести их к Спасению»* (с. 266) вовсе не является призывом современного государства? А может не так уж и не правы критикуемые автором Г.Х. Шахназаров, А.Д. Керимов и И.Н. Кукушин, которые совершенно справедливо, на наш взгляд, видят «в современном развитии событий» опасность ренессанса религиозного сознания? (С.Н. Бабурин, в свою очередь, придерживается того мнения, что *«нравственное государство невозможно осознать вне рассмотрения его в традиции религиозного мирозерцания»* (с. 162).) Добавим от себя – сознания, которое, если оно «овладевает массами», не так уж и часто способствует действительному социальному, экономическому, политическому и культурному прогрессу.

Примечательно, что ключевым словом в определении «нравственного государства» у С.Н. Бабурина является «добродетели». Именно с ними, к тому же, по преимуществу, в русско-православном понимании этого философского и религиозного термина, автор монографии связывает главную миссию «нравственного государства». С.Н. Бабурин специально поясняет, что *«для русского народа добродетель есть направленность разума и воли человека к добру, внутреннее желание творить добро»*, в связи с чем *«в православном сознании обычно выделяют семь основных добродетелей – веру, надежду, любовь, мудрость, мужество, справедливость и воздержание»* (с. 272). Но важно, на наш взгляд, не только это. Когда Сергей Николаевич утверждает, что *«современное государство сможет укрепить свою нравственную основу лишь поддерживая своими властными возможностями в обществе приоритет добродетелей и нравственных решений»* (с. 276), он явно исходит из того, что над государством будет возвышаться некая сила, определяющая и устанавливающая этот «приоритет». Понятно, что подобной силой в его концепции может выступать **только** религия и представляющая ее церковь, а в конкретных российских условиях – **лишь** православие и РПЦ.

Любые сомнения в том, что это именно так, исчезают, если ознакомиться с предлагаемыми автором признаками так называемого нравственного государства, при котором: *«1) высшие ценности общества охватывают как достоинство, свободы и*

⁴ Как представляется, для понимания сущности нормального (классического, или «безнравственного») государства вполне достаточно трех «хрестоматийных» уровней.

права человека, так и духовно-нравственные приоритеты нации (народа), включающие стремление к общепланетарному согласию; 2) духовно-нравственные ценности общества в форме правовых категорий закрепляются в конституции, т. е., государство публично принимает на себя обязанность оберегать духовно-нравственные ценности общества; 3) в обществе существуют и конституционно закрепляются органы публичного духовно-нравственного контроля над органами государственной власти; 4) над деятельностью любых органов государственной и муниципальной власти осуществляется народный контроль, основы которого закреплены конституционными нормами» (с. 283).

Как видно, сформулированные профессором признаки «нравственного государства» представляют собой довольно редкий «сплав», состоящий из того, что он был бы готов взять в будущее из отечественного опыта прошлого, из явной неудовлетворенности состоянием дел по исследуемой теме в настоящем (хотя и отмечается некий «прогресс», связанный с конституционной реформой 2020 года), и из поиска возможных решений существующих проблем, в том числе, опираясь на уникальный, а по сему практически неповторимый чужестранный (Иран, Китай, Ливия, Северная Корея, Турция, Сингапур и др.) политической и правовой опыт. Помимо прочего, подобным образом автор плавно внедряет в концепцию «нравственного государства» столь близкий сердцу всякого русского консерватора-традиционалиста принцип непрерывности российской истории (досоветской, советской и постсоветской), и равноценности, хотя и своеобразной, каждого из ее этапов. При этом, невозможно не заметить откровенную симпатию автора к социалистическому этапу истории России, хотя он и не решается прямо признать, что именно существование СССР стало недооцененной, прежде всего, самими русскими, высшей точкой развития их цивилизации.

Если же рассматривать вышеизложенные признаки по сути, то здесь, в частности, можно обнаружить попытку автора уравновесить, в качестве высших ценностей, общепризнанные права и свободы человека, и далеко не консенсусные в современной России «духовно-нравственные приоритеты нации/народа» (про стремление к «общепланетар-

ному согласию» в бушующем мире XXI века скромно умолчим...). В самой постановке вопроса, как представляется, нет и не может быть ничего предвзятого – возможно, действительно есть некий дисбаланс между универсальными и национальными ценностями. Правда, не очень понятно, как его относительно бесконфликтно можно устранить в стране, по-прежнему раздираемой глубокими, порой просто непреодолимыми (без кардинальной смены строя!) социальными, политическими и идеологическими противоречиями?

Здесь – откровенное недовольство автора деидеологизацией действующей Конституции РФ и желание ее поправить, наполнив «духовно-нравственными ценностями» в виде правовых категорий, «каркас» которых фактически уже определен высшим руководством РПЦ. Данный «каркас», согласно Патриарху Кириллу, состоит из следующих элементов: 1) **вера** – Древняя Русь, святая Русь: доминанта святости и высоты человеческого духа; 2) **державность** – Российская Империя «от океана до океана»; 3) **справедливость** – революция 1917 г.: стремление людей к справедливости; 4) **солидарность** – советское время: подвиг народа ратный и мирный; **достоинство** – уже новая, постсоветская Россия (с. 284). С.Н. Бабурин желает тем самым, заставить государство публично принять на себя обязательство «оберегать» эти ценности (читай: тем или иным способом принудить общество думать и действовать в соответствии с православными догматами⁵). Как это сочетается с закрепленным в основном законе светским характером нынешней российской государственности и кто, в этом случае, станет «главным арбитром» в неизбежных спорах между приверженцами разных ценностей (включая, многомиллионный отряд формальных и фактических атеистов!) в многонациональной и многоконфессиональной стране?

Здесь также – вполне здравая, хотя и прямо позаимствованная из несовместимой с нынешними российскими порядками советской эпохи, идея поставить под народный контроль деятельность органов государственной и муниципальной власти, к тому же закрепив основы данного контроля конституционными нормами. Любая власть в России нуждается в жестком контроле – это факт. Иначе она быстро здесь превращается в «вальяжного деспота», диктующего свои условия народу. Вопрос лишь в

⁵ Согласно околицерковным источникам, в России, где-то 80 % православных верующих, то есть тех, кто в различных социологических опросах называет себя право-

славными, только около 3 % являются действительно воцерковлёнными людьми, т. е. истинными верующими (<https://pravoslavie.ru/121035.html>).

том, насколько реален может быть предлагаемый С.Н. Бабуриным «всеобъемлющий» народный контроль в условиях, когда нынешняя Россия все дальше продвигается по пути укрепления персоналистского (полумонархического) авторитаризма плебисцитарного типа? И, не разумнее ли, особо ничего не изобретая, **на деле** вернуться к достаточно тривиальным, но, в целом, проверенным временем и мировым опытом свободным и конкурентным выборам, регулярной сменяемости власти на **всех** её «этажах», реальному разделению властей при надёжной системе «сдержек и противовесов», и независимой судебной системе, а контроль за властью (в самых разных институциональных формах!) оставить за полномочными представителями народа и сильным гражданским обществом?

Наконец, здесь – признак-разгадка всей концепции «нравственного государства», предполагающий существование в обществе (естественно, и в государстве. – З. С.), также на сугубо конституционной основе, особого рода «органов публичного духовно-нравственного контроля» над органами государственной власти. Это, пожалуй, наиболее яркая и любопытная часть характеристики этого необычного «государства», поскольку она практически не оставляет вопросов о том, чем на самом деле будет «нравственное государство». К тому же, если воплощение в жизнь трех других признаков (если оно вообще необходимо!), связано, в той или иной мере, с длительной по времени и чрезвычайно сложной по организации трансформацией всей российской государственности, преобразованием всех важнейших сфер жизнедеятельности страны, то воплощение в жизнь данного признака, как ни странно, требует, в основном, лишь твердой и решительной, по-своему революционной политической воли.

Дело в том, что этот признак «нравственного государства» уважаемым автором монографии прямо позаимствован из государственно-правовой практики современного Ирана, чего он, собственно, и не скрывает. Свидетельством большого интереса С.Н. Бабурина к Ирану, в целом, и к иранскому опыту политико-правового регулирования различных сфер жизни, в частности, является то, что в его книге этой стране посвящена целая глава под примечательным названием «Значение Иранской революции 1979 года для духовно-нравственного преображения государств» (с. 101–114). Как известно, после антишахской революции 1979 года в этой стране была установлена Исламская республика – особого рода теократический режим, предполагающий ведущую и

бесспорную роль в государстве мусульманского духовенства, а также существенное повышение роли ислама в абсолютно всех сферах жизни общества. При этом, иранская теократия умудряется сохранять отдельные внешние черты нормальной демократии – сама Исламская республика была провозглашена по итогам всенародного референдума, основы государственного строя закреплены в конституции, регулярно проводятся относительно свободные и конкурентные выборы, на которых граждане избирают президента и депутатов парламента (меджлиса), формируют органы местного самоуправления.

Вместе с тем, реальная власть в иранском государстве принадлежит вовсе не этим квазидемократическим институтам. Она полностью сосредоточена в руках главы государства – Высшего руководителя и Духовного лидера страны (Рахбара), избираемого практически пожизненно т. н. Советом экспертов, состоящим опять же из представителей исламского духовенства, и подотчётного лишь ему. Мощными инструментами религиозного (исламского) доминирования над обществом и государством выступают также особые «арбитражные» органы – Совет стражей конституции и Совет целесообразности, в компетенцию которых, главным образом, входит, соответственно, проверка соответствия законопроектов исламскому праву (шариату), и разрешение споров, возникающих между меджлисом и Советом стражей.

Вот эта специфическая система, похоже, и приглянулась проф. Бабурину как наиболее подходящая «русской цивилизационной модели нравственного государства», стержнем которой он видит исключительно православие, о чем, кстати, опосредованно свидетельствуют также множественные ссылки в его книге на высказывания церковных авторитетов, труды дореволюционных и современных ученых державно-православной ориентации. Не зря ведь автор предполагает, что *«в Российской Федерации органом духовно-нравственного контроля может быть Высший Духовный Совет, членами которого стали бы представители исторических религиозных конфессий России из числа высшего духовенства Русской Православной Церкви (Московского патриархата и старообрядческой), мусульманского, буддистского и иудейского духовенства»* (с. 295).

Именно этот Совет, как полагает Сергей Николаевич, *«собирающийся на свои заседания под председательством Патриарха Московского и всея Руси, должен обладать закрепленным конституционно правом вето на любые законы парламента, указы президента и постановления правительства* (вы-

делено мной. – 3. С.), *противоречащие духовно-нравственным ценностям общества*» (с. 295). И хотя автор особо подчеркивает, что *«речь не идет о государственном установлении религиозной обязательности убеждений граждан»*, он, тем не менее, абсолютно уверен, что *«именно межконфессиональный характер Высшего Духовного Совета позволит избежать неоправданных деформаций нравственности общества»* (с. 295).

Трогательная забота о нравственности общества, стремление разнообразить восприятие «нравственного государства», предлагая, в его контексте, более современный подход к рассмотрению ряда вполне светских проблем (например, обеспечение социальной консолидации, совершенствование деятельности института уполномоченного по правам человека, и др.), и даже представляя его как «демократическое» и «правовое»⁶, однако, не в состоянии завуалировать тот факт, что речь в концепции С.Н. Бабурина идет, главным образом, о научно-идеологическом обосновании целенаправленного преобразования нынешней, пока ещё, к счастью, республиканской и демократической (по крайней мере, формально!) Российской Федерации в некое подобие **новой теократии**. Конечно, без революционных потрясений и постреволюционных пережестов типа иранских (исламских), с учетом русских (православных) цивилизационных особенностей и объективно существующей многонациональности и многоконфессиональности страны, но тем не менее. Не стоит забывать, что всего лишь сто с небольшим лет назад «симфония» царской власти и православной церкви уже привела, в числе прочих причин, к гибели Государства Российского. Необходимо ли сегодня новое «воцерковление государства» с угрозой того же исхода?

Ведь, если только допустить существование в современном государстве, к тому же на вполне конституционной основе, некоего, сформированного узкой группой религиозных деятелей «Высшего Духовного Совета», обладающего правом вето на законы и прочие решения легитимных органов государственной власти, избранных народом или сформированных его полномочными представителями, то там недалеко и до Патриарха-Рахбара, со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Не хочется верить в то, что видный ученый не ощущает этого налета откровенной архаики. Такого

не может быть хотя бы потому, что в своей работе он поднимает целый ряд действительно актуальных и важных проблем, разумное решение которых могло бы послужить делу переустройства государственной и общественной жизни России на принципах свободы, равенства, справедливости и солидарности. Например, обращаясь к проблеме собственности как вневременной социальной ценности, проф. Бабурин фактически «реанимирует» в свое время так и не получившую широкой поддержки, а затем незаслуженно, как представляется, забытую концепцию цивилизма выдающегося советского ученого-правоведа, академика В.С. Нерсисянца (с. 334–339).

Конечно, сегодня, спустя почти три десятилетия после последней коренной ломки устоев в России, весьма затруднительно представить себе практическую реализацию вполне здравых идей академика. Особенно, в условиях, когда в стране, в результате сознательной и целенаправленной политики властей, сформировался специфический, сугубо российский тип государственного капитализма, при котором вся экономическая власть полностью сосредоточена в руках бюрократии и «дружественного» ей крупного капитала (олигархата). Но развитие России тем и уникально, что совершенно не предсказуемо. Поэтому, нельзя исключить, что на следующем историческом «повороте», ждать который, возможно, осталось не так уж и долго, ценные предложения В.С. Нерсисянца могут быть очень даже востребованы.

Немало интересных мыслей можно обнаружить и в той части нового труда С.Н. Бабурина, в которой он затрагивает проблемы правосудия, рассуждает о его нравственной миссии, резонно ставит вопросы о возврате к выборности судей, повышении роли адвокатуры, расширении функций института присяжных и совершенствовании работы прокуратуры. Автор совершенно верно замечает, что «правда» или справедливость суда выступает одним из важнейших признаков справедливости самого государства, тогда как «кривда» или, соответственно, несправедливость суда – символом *«безнравственного торжества неправды»* (с. 344). Хотя точнее, наверное, было бы сказать – символом глубокой порочности той Системы, при которой возможна подобная несправедливость, но не существует действенных юридических инструментов, позволяющих восстановить справедливость. Пони-

⁶ Правда, демократическим, основанным на народовластии, «нравственное государство» **может** быть лишь с точки зрения его «социальной структуры», а правовым оно

должно быть с точки зрения юридической, «когда власть принимает только те решения, которые предусмотрены действующими законами» (с. 243–244).

мание этой несложной истины чрезвычайно важно для страны, в которой культурно-исторически и традиционно *«над правом и законом доминирует справедливость»* (с. 143), в которой испокон веков одной из самых популярных поговорок остается: «От сумы да тюрьмы не зарекайся!».

Помимо прочего, следует высоко оценить то внимание, которое Сергей Николаевич в своей работе уделяет таким универсальным ценностям общества как справедливость и свобода. Он точно обозначает обе эти ценности как **главные** для любого социума, указывая при этом, что *«между ними необходима гармония взаимообусловленности, которая только и способна снять их внутреннюю противоречивость, соразмерно выстроить их отношения с другими социальными ценностями, такими как равенство и равноправие, суверенность и достоинство личности»* (с. 236). Непонятно лишь то, почему главные общественные ценности (справедливость и свободу) автор непременно связывает с нравственностью и «нравственным государством»? Почему для него поистине справедливым может быть только «нравственное государство», а свобода рассматривается исключительно как «воплощение нравственной идеи»?

Более того, не просто свобода, которую обычно трактуют, прежде всего, как **право выбора**⁷ – то есть право отдельного человека беспрепятственно (без несанкционированного демократическими установлениями вмешательства извне) распоряжаться собой, своей жизнью и судьбой, а некая «истинная свобода», которую проф. Бабурин определяет не иначе как *«возможность следовать своему предназначению, призванию», «делать то, для чего ты создан (понятное дело, кем... – З. С.)»* (с. 241). И, хотя он формально признает за свободой ее универсальный характер и полагает ее *«одной из краеугольных социальных ценностей»*, тем не менее, свобода для него по-прежнему оказывается *«воплощением нравственной идеи соответствующего»* (выделено мной. – З. С.) *общества*, пусть даже *«заданная условиями конкретно-исторической реальности»* (с. 243).

Это, между прочим, характерная черта не только рассуждений автора о сути и смысле свободы. Поисками русской (российской) **«особости»**, в возрождении и стимулировании которой, наряду с принципиальным неприятием европейского и, во-

обще, западного опыта решения важнейших современных проблем жизнедеятельности общества и государства, он видит практически **единственный** путь России к преодолению последствий «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» (сам автор верно отмечает, что Россия «опасно приблизилась к судьбе Колосса на глиняных ногах» (с. 50)) и выводу страны на качественно новый уровень развития, пронизана вся монография С.Н. Бабурина. Иногда эта «особость» представляется в достаточно яркой, даже пафосной форме, например, *«усиленно насаждаемый на русской почве уже второе столетие европейский либерализм с его циничным потребительством и забвением Божественного предназначения человека лишь убивает в нас русское, точнее, истинно человеческое»* (с. 209), или *«Россия – единственная в мире страна, которая способна и должна противостоять циничному расчеловечиванию цивилизации»* (с. 525).

Как правило, эти «особости», хотя и с привкусом мессианства, в книге обозначаются как особенности русской (славянской, православной, восточно-христианской, евразийской) цивилизации, которая непременно выступает альтернативной, а фактически – вечно противостоящей цивилизации западной (с. 35–51).

Такой подход, безусловно, имеет право на существование – как с научной, так и с любой другой точки зрения. Тем более, что автор не голословен – каждый свой тезис «за» или «против» какой-либо идеи либо предложения он скрупулезно и обильно подкрепляет цитатами и ссылками на ученых мужей прошлого и современности, примерами из государственно-правовой, социально-политической и экономической жизни России, СССР и других стран, анализом соответствующего исторического опыта. На базе всего этого он выводит свою **«формулу Русской цивилизации в XXI в.»**, включающую пять взаимосвязанных частей: *«государственное единство русской нации, духовно-нравственные традиции в культуре, протекционизм в экономике, справедливость в праве, власть Советов и мировоззренческую свободу в политике»* (с. 520).

Словом, формально соблюдены все каноны научности. Но остается несколько принципиальных вопросов сущностного характера (частично они уже изложены выше), четких, а главное – исчерпывающих ответов на которые, на наш взгляд, пока (!) нет.

⁷ Даже известная теория Исайи Берлина, изложенная им в эссе о двух концепциях свободы (<http://kant.narod.ru/>

[berlin.htm](http://kant.narod.ru/berlin.htm)), предполагает выбор между «негативной» и «позитивной» свободами.

И главный их них состоит в том, насколько вообще **реальна и востребована** в современных условиях, не говоря уже о ее практическом воплощении, представленная концепция «нравственного государства», прежде всего, по отношению к самой России и другим государствам, которые проф. Бабурин относит к русской (славянско-православной) цивилизации? Другими словами, не останется ли «нравственное государство» всего лишь умозрительным научно-политическим и идеологическим конструктом, **близким и понятным** лишь тем, кто продолжает ностальгировать по былому державному величию России – будь то имперскому, или советскому, но **бесконечно далеким** для того будущего большинства, жизненные цели, устремления и интересы которого связаны исключительно с реальностями высокотехнологичного, цифрового мира XXI века – мира без границ (во всех смыслах!)⁸, в котором любая попытка обособиться, самоизолироваться в своем «чистом мирке» чревата, в конечном счёте, обреченностью на застой, деградацию и упадок?

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, академик
Российская академия социальных наук
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 24/7,
стр. 1
E-mail: miussy-zs@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 5112-6407; AuthorID: 442157

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Станкевич З.А. «Нравственное государство» или все-таки новая теократия? Полемиические заметки в связи с очередной концепцией российской государственности / З.А. Станкевич // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 238–245. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).238-245.

Завершая, необходимо ещё раз подчеркнуть, что, представив научному сообществу свое новое исследование, С.Н. Бабурин, вне всяких сомнений, заметно оживил дискуссию о современной российской государственности, путях ее конституционного и иного политико-правового совершенствования, а главное – дал оригинальное видение того, как сами русские желали бы преобразовать свое государство с учетом опыта прошлого и перспектив наступившего столетия. С его концепцией «нравственного государства» можно соглашаться или не соглашаться, но сам факт того, что она появилась, актуализирует очень важную проблему, на которую, кстати, уже не первый раз обращает внимание сам Сергей Николаевич – на проблему отсутствия конституционно закрепленных целей существования и развития современного российского общества и государства (с. 142). И, если даже его новая научная работа послужит скорейшему решению **только** этой проблемы, то будут все основания полагать, что ее миссия успешно выполнена.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Zigmund A. Stankevich – Doctor of Law, Academician
Russian Academy of Social Sciences
build 1, 24/7, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000,
Russia
E-mail: miussy-zs@yandex.ru
RSCI SPIN code: 5112-6407; AuthorID: 442157

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stankevich Z.A. A “moral state” or a new theocracy after all? Polemical notes in connection with the new concept of Russian statehood. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 238–245. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).238-245. (In Russ.).

⁸ Волков Д., Колесников А., Левинсон А. Альтернативы для России: каким видят будущее страны сторонники и противники перемен / Московский центр Карнеги, 9 ноября

2020 г. URL: <https://carnegie.ru/2020/11/09/ru-pub-83153> (дата обращения: 02.11.2020).